

ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В. М. КАРАЗІНА

ХАРКІВСЬКИЙ ІСТОРИОГРАФІЧНИЙ ЗБІРНИК

Випуск 11

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ
Харківський національний університет імені В. П. Каразіна

Харківський історіографічний збірник

Випуск 11

Харків – 2012

УДК 930
ББК 63.3я5
Х21

*Затверджено до друку рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
(протокол № 4 від 26.03. 2010)*

Редакційна колегія:

д-р. іст. наук, проф. Посохов С. І. (головний редактор); д-р. іст. наук, проф. Астахова К. В.; д-р. іст. наук, проф. Журба О. І.; канд. іст. наук, доц. Іванченко В. Ю.; д-р. іст. наук, проф. Каплін О. Д.; канд. іст. наук, проф. Куделко С. М.; д-р. іст. наук, проф. Орлов І. Б.; канд. іст. наук, доц. Павлова О. Г. (відповідальний секретар); д-р. іст. наук, проф. Петровський В. В.; доц. Пікалов В. Г.; д-р. іст. наук, проф. Сінкевич Є. Г.

Редакційна рада:

д-р. іст. наук, проф. Астахова В. І. (Харків) – голова; д-р. іст. наук, проф. Балебрух А. Г. (Дніпропетровськ); д-р. іст. наук, доц. Дроснева Е. (Софія); д-р. іст. наук, проф. Зашкільняк Л. Й. (Львів); д-р. іст. наук, проф. Колесник І. І. (Київ); д-р. іст. наук, проф. Корзун В. П. (Омск); д-р. іст. наук, проф. Кравченко В. В. (Едмонтон); д-р. іст. наук, проф. Маловичко С. І. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Меньковський В. І. (Мінськ); д-р. іст. наук, проф. Піриг Р. Я. (Київ); канд. іст. наук, проф. Попова Т. Н. (Одеса); д-р. іст. наук, проф. Регіна Л. П. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Румянцев М. Ф. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Удол О. А. (Київ).

*Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 8073 від 29.10.2003 р.
Додаток до постанови Президії ВАК України про реєстрацію
від 06.10.2010 р. № 1-05/06*

X21 Харківський історіографічний збірник. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – Вип. 11. – 308 с.

У черговому випуску наукового збірника зібрано статті з широкого кола проблем теорії та історії історичної науки та освіти.

Для викладачів, науковців, усіх, хто цікавиться історіографією.

На обкладинці використано літографію «Вічні птахи» члена Національної спілки художників України Н. С. Вербук.

УДК 930
ББК 63.3я5

ISSN 2079-9691

© Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, оформлення, 2012

© Автори, 2012

Від редактора

Черговий випуск «Харківського історіографічного збірника» значною мірою присвячено обговоренню проблем професійної етики історика. Переконані, що саме у цій площині лежить відповідь на злободенні питання, які виникають у професійних істориків стосовно сучасного стану справ у їх співтоваристві. Визначення мети діяльності, надання їй певного сенсу, відчуття відповідальності перед колишніми та прийдешніми поколіннями, – все це насамперед визначається етичними міркуваннями. На жаль, в останні роки кордони професійної етики історика стали досить розмитими. Руйнація «монометодології» як безсумнівно позитивний процес обернулася не лише сегментацією наукового співтовариства, а й руйнацією здавалася б непохитних традицій та практик, які мали неабияке значення для зв'язків учителя та учнів, спадкоємності поколінь науковців, забезпечення стану порозуміння у співтоваристві. Тому не дивно, що у середовищі істориків не тільки зберігся високий рівень ідейної конфронтації та політичної заангажованості, проти чого виступали свого часу борці із радянським спадком, а й з'явилися нові негативні тенденції. Зокрема, типовими явищами стали спроби автономізації регіональних наукових товариств (поряд із очевидними намаганнями побудувати непохитну владну ієрархію у межах наукової системи усієї країни), формалізації багатьох критеріїв при оцінці наукового внеску, бюрократизації стосунків у самому науковому середовищі. Наскільки такий стан речей є природним? Певні ідейно-політичні уподобання, надмірний сервілізм та конформізм виявлялися у істориків різних часів та різних країн. Тим не менше, вважаємо, що саме етичні механізми не дозволяли деструктивним факторам перемогти, консолідуюча сила морального закону утримувала співтовариства від остаточного розбрату та деградації й забезпечувала просування науки вперед (але це скоріше припущення, аніж доведене твердження). Під час обговорення зазначеної теми із дніпропетровськими та московськими колегами постали питання: «а чи має сама історична наука потенціал для формування сталого етосу історика?», «наскільки мають значення макрорегіональні та мікрорегіональні фактори для його становлення та розвитку?» та ін. Такі питання примушують уважніше проаналізувати як мовні протоколи, так і певні обрядові дії та практики професійних істориків, ще раз повернутися до проблеми

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

- АГО – Архив Русского географического общества в Санкт-Петербурге
 Архив СПб. ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИАН – Национальная академия наук
 ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР ИЛ ИАН Украины – Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко ИАН Украины
 ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
 РАН – Российская академия наук
 РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинского дома)
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 ЦГИА Украины в г. Киеве – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве

ЗМІСТ

- Від редактора* 3

Розділ I
ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ТА МЕТОДОЛОГІЇ

- Болебрух А. Г.* Мораль в структурі історическої науки 6
Журба О. И., Чернов Е. А. Научная истина – правда научно-ориентированной истории 16
Колесник І. І. Кар'єра історика: етичний вимір 26
Лубський А. В. Фальсифікація і фальсифікаціонізм в історическом познанні 42
Маловичко С. И. Етичський поворот в изученні історії історії 53
Румянцева М. Ф. Парадигмальний вибір історика як етичска проблема 67

Розділ II
ІСТОРІЯ ІСТОРІЇ

- Богданіна О. М.* Життєві стратегії істориків Радянської України 1920 - 1930-х рр. 80
Будыгина Т. А. Професійна етика і «життєвий етос» в судьбі історика: по сторінкам днівників С. С. Дмитрієва 95
Киселёва Ю. А. Історіографія і етика (харьківські сюжети) 104
Орлов О. И. Історик сталінської епохи на «фронте історическої науки» 117
Носохов С. И. «Считаю для себя неприличным...»: етичска аспекти процесу захисти дисертацій в університетах Російської імперії XIX - початку XX вв. 131

**Розділ III
СУЧАСНЕ НАУКОВЕ СПІВТОВАРИСТВО**

<i>Меньковский В. И.</i> Национальная память и объективность историка (случай Беларуси)	153
<i>Морозова О. С.</i> Етичні проблеми в наукових дослідженнях: польський досвід та шлях його застосування в українських реаліях	163
<i>Портнова Т. В.</i> Profession oblige: у пошуках етичного кодексу історика	169
<i>Сінкевич Є. Г.</i> Проблема наукової школи в історіографії та етика взаємин	178

**Розділ IV
ІНТЕРВ'Ю**

<i>Пиріг Р. Я.</i>	188
<i>Репина Л. П.</i>	195

**Розділ V
ІСТОРИЧНА ОСВІТА**

<i>Іващенко В. Ю., Куліков В. О.</i> Контент-аналіз зображень у підручниках з історії України для старших класів	207
--	-----

**Розділ VI
СПОГАДИ**

Від редколегії	222
<i>Кадеєв В. И.</i> Годы студенческие	224
<i>Куделко С. М.</i> Эстетика профессионального общения. Л. П. Калущая	238

**Розділ VII
ДОКУМЕНТИ ТА МАТЕРІАЛИ**

<i>Мироненко М. П.</i> Матеріали о харьковских историках XIX – начала XX в. В «Каталоге личных архивных фондов отечественных историков»	245
<i>Цыганков Д. А.</i> К истории научных контактов В. И. Герье и В. П. Бузескула	259
<i>Чухлій С. О.</i> М. В. Ключков та С. Ф. Платонов: матеріали до біографії	272

**Розділ VIII
РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ**

<i>Склокін В. В.</i> Польська теорія історії в українському контексті	287
<i>Сорочан С. Б., Кариков С. А.</i> Историк и его дело	292

**Розділ IX
MEMORIA**

Петр Тимофеевич Тронько (1915–2011 гг.)	299
Відомості про авторів	301
Список скорочень	304

31. Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. Учеб. пособие. М., 1978.
32. Шаниро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
33. Assmann J. Cultural Memory: Script, Recollection, and Political Identity in Early Civilizations // *Historiography East and West*. 2003. Vol. 1. No. 2.
34. Dintenfass M. Truth's Other: Ethics, the History of the Holocaust, and Historiographical Theory after the Linguistic Turn // *History Theory: Studies in the Philosophy of History and Theory*. 2000. Vol. 39. No. 1.
35. Ertlich E. D. Ethics and Method // *History and Theory*. 2004. Vol. 43. No. 3.
36. Fiebert E. Geschichte der Neuen Historiographie. München; Berlin, 1997.
37. Gooch G. P. History and Historians in the Nineteenth Century. — ed.L., 1913.
38. Grant A. J. English Historians. L., 1906.
39. Grever M. Fear of Plurality: Historical Culture and Historiography Canonization in Western Europe // *Gendering Historiography: Beyond National Canons*. Frankfurt, N. Y., 2009.
40. Hirsch E. S. Ch. Introduction: Ethnographies of Historicity // *History and Anthropology*. 2005. Vol. 16. No. 3.
41. Jameson J. F. The History of Historical Writing in America. Boston, N. Y., 1891.
42. Jenkins K. Ethical Responsibility and the Historian: On the Possible End of History «of a Certain Kind» // *History and Theory*. 2004. Vol. 43. No. 4.
43. Lorenz C. Unstuck in Time: Or: the Sudden Presence of the Past Retelling the Past: Memory, History, and Identity in Modern European Amsterdam, 2010.
44. Mathema R. The Question of History in Precolonial India // *History Theory*. 2007. Vol. 46. No. 3.
45. Murray A. History in the Sikh Past // *History and Theory*. 2007. Vol. 46. No. 3.
46. Ness Myers van, Ph. History as Past Ethics: An Introduction to the History of Morals. Boston, 1913.
47. Pasaman G. Leopold von Ranke, The Theory and Practice of History. N. Y., 2011. Ed. by Georg G. Iggers. Iii + 158 pages // *Historiograf revista de historia y teoria*. 2011. Num. 2 (julio-diciembre).
48. Pollock S. Pretextures of Time // *History and Theory*. 2007. Vol. 46. No. 3.
49. Shovel J. T. An Introduction to the History of History. N. Y., 1922.
50. Wyszogrod E. An Ethics of Remembering: History, Heterology, and Nameless Others (Religion and Postmodernism Series). Chicago, 1998.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ПАРАДИГМАЛЬНИЙ ВИБІР ІСТОРИКА ЯК ЕТИЧЕСЬКА ПРОБЛЕМА

Резюме: В статті на трьох рівнях – епістемології – історическої науки – історикології – історичної науки – прослідковуються переходи від класического типу раціональності к некласическому і постнекласическому. Виявляються взаємозв'язані с етими переходами модифікації такої етическої категорії як відповідальність. Показано возрастание степени ответственности историка-исследователя в неклассической и постнеклассической науке за продуцируемое и позиционируемое в социуме знание.

Ключевые слова: этический выбор, парадигмальность знания, классический, неклассический, постнеклассический типы рациональности, ответственность историка.

Рум'янцева М. Ф. Парадигмальний вибір історика як етична проблема

Резюме: В статті на трьох рівнях – епістемології – історичної науки – історикології – історическої науки – прослідковуються переходи від класического типу раціональності до некласического та постнекласического. Виявляються пов'язані з цими переходами модифікації такої етическої категорії як відповідальність. Подемонстровано зростання ступеню відповідальності історика-дослідника в некласическій та постнекласическій науці за знання, що продукується та позиціонується в соціумі.

Ключові слова: етичний вибір, парадигмальність знання, класический, некласический, постнекласический типи раціональності, відповідальність історика.

Roumiantseva Mariia F. Paradigm as a reason of the ethic choice of historian

Summary: The subject of this article is the correlation of the philosophy, the historical science and the studies of historical sources in connection with the classic, nonclassic and postnonclassic knowledge. The main problem is the modification of the responsibility of the historian depending on his paradigmatic choice.

Keywords: the classic, nonclassic and postnonclassic knowledge, the responsibility of the historian, the paradigmatic choice.

© Румянцева М. Ф.

Этический выбор и социальная ответственность ученого имманентные составляющие актуального научного познания целом и исторического в особенности. Хорошо известно, что этика и гносеология как компоненты философии тесно взаимосвязаны. Но каков механизм этой связи? В чем ее специфика в современной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации. В данной работе мы сосредоточим основное внимание на *ответственности* как этической категории, актуализация которой тесно связана с тем, что, по-видимому, текущую социокультурную ситуацию можно охарактеризовать, используя понятийный аппарат синергетики, как точку бифуркации.

Начнем размышления с двух предуведомлений.

Первое. В настоящей работе речь по преимуществу идет о соотношении этического выбора с типом рациональности, а не о парадигмальной зависимости в строгом смысле слова. Собственно парадигмальный аспект рассматривается только применительно к феноменологической и источниковедческой парадигме исторического познания.

Второе. Мне уже доводилось предварять свои работы подобным замечанием, но в данном контексте оно имеет принципиальное значение: я строго различаю понятия *современного* знания, познания и *актуального* знания / познания. *Современное* существующее здесь и сейчас, естественно, содержащее в той или иной мере элементы нового, но и сохраняющее в своей структуре часто неотрефлексированно, остатки явно устаревших парадигм. *Актуальное* – это та часть современного знания, которая адекватно соответствует потребностям современного социума.

Из этого различения вытекает исследовательская гипотеза: степень осознания историком (и вообще ученым) своей социальной ответственности находится в жесткой корреляции со степенью осознанности своей парадигмальной принадлежности вообще и парадигмальным пониманием цели познания, природы научной истины и главное – субъектно-объектных отношений в процессе познания. Специально подчеркнем: *степень осознания ответственности*, а не *степень самой ответственности*, поскольку здесь мы имеем дело с тем случаем, когда в науке вполне применима правовая норма, известная еще со времен римского права, – незнание закона не освобождает от ответственности.

Рассмотрим проблему на трех уровнях: общефилософском, историческом познания – источниковедения. При во-

вынужденной схематичности рассмотрения, обусловленной тесными рамками статьи, от уровня к уровню конкретность анализа будет нарастать: *общефилософский уровень* задает рамку исследования. *Уровень исторического познания* позволяет выстроить гипотезу о соотношении исторического познания с общим процессом трансформаций научного знания, что крайне необходимо, если учесть устойчивое стремление историков настаивать, вслед за В. Дильтеем [3] и баденскими неокантианцами В. Виндельбантом и Г. Риккертом [14], на специфичности исторического познания. Этот уровень задает необходимый контекст для следующего – *уровня источниковедения*, точнее источниковедческой парадигмы методологии истории, восходящей в своих основах к русской версии неокантианства (А. И. Введенский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. М. Хвостов, И. И. Лапшин) и теоретически оформленной А. С. Лаппо-Данилевским [8]. С конца 1930-х гг. эту концепцию разрабатывает Научно-педагогическая школа источниковедения, которая с 1939 по 2011 г. институционально базировалась на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. – в составе РГГУ; с 1994 г. – кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин) [подробнее см.: 5], а после ликвидации кафедры интегрирована на основе сайта Источниковедение.ru [20].

Историческое познание в соотношении с типами рациональности

Возьмем за основу схему В. С. Степина [17, с. 619-636]. Эту же схему воспроизводит Л. А. Микешина [12, с. 212-213]. В. С. Степин выделяет четыре научные революции, но только три из них влекут за собой изменение типа рациональности. По этой причине, а также потому, что философы науки строят схему на основании истории естествознания, слабо учитывая, или не учитывая вовсе, интересы историков, мы позволили себе несколько скорректировать исходную конструкцию, при этом, надеюсь, не нарушив ее общей логики.

В. С. Степин и Л. А. Микешина связывают классический тип рациональности с двумя научными революциями: XVII – первой половины XVIII в. – «становление классического естествознания» и конца XVII – первой половины XIX века – «переход естествознания в дисциплинарно организованную науку» [12, с. 212]. На мой взгляд, с первой научной революцией можно, без большой натяжки,

соотнести историческую науку, нацеленную на описание нравоучительных исторических примеров на основании, та называемой «критики» исторических источников, т.е. отделения них «субъективных фантазий» автора от фактов, понимаемых как часть объективной реальности. Классический образец – «Письма пользе и изучении истории» лорда Болингброка. Со второй научно-революцией можно соотнести становление исторического нарратива и формирование инструментария исторической науки.

Необходимо все же оговорить, что в схеме В. С. Степина выделен специально позитивизм, а, на мой взгляд, становление позитивизма – существенная парадигмальная трансформация. При этом, соотнесение того, что принято называть позитивистской исторической наукой, с философским позитивизмом – специальная проблема, рассмотреть которую здесь нет возможности. Отметим лишь, что позитивизм, при своей принципиальной принадлежности по критерию целеполагания к иному типу познания, нежели наук предшествующего периода, по-видимому, не меняет тип рациональности. И главное – не меняет субъектно-объектных отношений (мы оставляем за рамками рассмотрения размышления О. Конта об относительности познания – [7, с. 17-18]), следовательно, и не трансформирует основания этического выбора исследователя.

Таким образом, для классической рациональности свойственно рассматривать реальность как таковую, условием чего является элиминирование субъекта познания из его результата. На уровне аксиоматики понятно, что в этом случае исследователь не несет моральной ответственности за результат, если он получен добросовестно. Ведь результат принадлежит как бы «объективной реальности», которая внеположена человеку-исследователю. Идеи исторического познания в этом случае фиксирует известная формула Леопольд фон Ранке: описывать факты прошлого так, «как это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*). Любопытны в этом контексте и размышления Н. И. Кареева об истории как чистой науке, в отличие от наук прикладных: «Задача истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на то есть социология или давать практические наставления (это – дело политики), а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было попользования предсказывать будущее, как бы изучение прошлого и ни помогало в иных случаях предвидению того, что может случиться или наступить. Если данными и выводами истории

воспользуются социолог, политик, публицист, тем лучше, но основной мотив интереса к прошлому в истории, понимаемой исключительно в качестве чистой науки, имеет совершенно самостоятельный характер: его источник в том, что мы называем любознательностью, на разных ее ступенях – от простого и часто поверхностного любопытства до настоящей и очень глубокой жажды знания» [6, с. 29].

Третья научная революция конца XIX – середины XX века связана, по мнению В. С. Степина и Л. А. Микешинной, со становлением неклассического естествознания. Среди многих характеристик этого этапа акцентируем внимание на двух – «соотнесенность объекта со средствами и операциями деятельности» и «новое понимание субъекта как находящегося внутри, а не вне наблюдаемого мира – необходимость фиксации условий и средств наблюдения, учет способа постановки вопросов и методов познания» [12, с. 212-213].

В исторической науке этот переход маркируется очень четко – возникновением истории истории / истории исторической науки. П. Нора обратил внимание на то, что еще в конце XIX в. история «вступила в свой историографический возраст» [13, с. 23]. По сути, это означает кардинальное изменение понимания исторического знания: оно уже не принадлежит «объективной реальности» прошлого, а является конструкцией исследователя. И хотя эта конструкция не произвольна, а определена социокультурно и парадигмально, степень ответственности историка за свою конструкцию неизмеримо возрастает.

Наконец, четвертая революция конца XX – начала XXI века – «рождение новой постнеклассической науки». И здесь отметим лишь два аспекта – нарастание междисциплинарности / метадисциплинарности и то, что «научное знание с необходимостью рассматривается в контексте социального бытия, культуры, истории как нераздельное с ценностями и мировоззренческими установками, что в целом сближает науки о природе и науки о культуре» [12, с. 213]. Я бы только уточнила хронологические рамки и предложила бы в качестве границы 1962 год – год публикации знаковой книги Т. Куна «Структура научных революций». А также обратим внимание на то, что уже в 1930-х гг. Э. Гуссерль писал: «... рассматривать природу окружающего мира как нечто в себе чуждое духу и поэтому подстраивать под науки о духе, желая сделать их якобы точными, естественнонаучный

фундамент – абсурдно... Естествознание (как и всякая наука вообще) представляет собой духовную деятельность... как таковое оно наряду с прочими духовными явлениями относится к кругу фактов, подлежащих духовно научному объяснению. бессмыслица ли это и не логический круг, когда историческое явление “естествознание” хотят объяснить естественнонаучным образом, привлекая для этого естественные науки и открытие их законы, которые сами – часть проблемы, ибо представляют собой духовный продукт?» [2, с. 105].

В историческом познании с этим типом знания могут быть соотнесены антропологический и культурный повороты, результате которых внимание исторического познания переносится на коэксистенциальное пространство культуры, осваиваемое на основе полидисциплинарности.

Но знаковой для постнеклассической исторической науки конца XX века становится проблематика социальной / исторической памяти, истории как памяти [см., напр.: 19], что также выводит историческое познание на полидисциплинарный метадисциплинарный уровень и включает в максимально широкий и разнообразные социокультурные контексты.

Постнеклассическую науку отличает признание парадигмального конструирования знания, что логически должно вести к осознанию ученым меры своей ответственности не только за конструирование научной картины мира (в случае исторического познания – социальной реальности), но и за позиционирование знания в общественном сознании. И в этом плане, еще одной характерной чертой постнеклассического состояния исторического познания является разрыв социально ориентированной и научно ориентированной истории.

Два типа определения исторического источника: этический выбор.

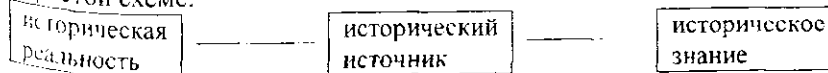
В источниковедческой литературе существует масса определений базового понятий источниковедения – исторический источник. Рискнем свести все разнообразие к двум типам определений с тем, чтобы показать, что самоопределение в этой дихотомии выявляет не только эпистемологические установки философско-мировоззренческие основания историка, но и его этический выбор.

Первый тип определения: исторический источник – это все, откуда можно почерпнуть информацию о прошлом. Варианты этого

определения: исторический источник – всякий объект..., всякий памятник прошлого и т.п. Сторонники подобных определений исторического источника для защиты своей позиции обычно выдвигают следующий аргумент: подобное определение исторического источника расширяет источниковую базу исследования за счет тех объектов (в том числе и природных), которые обычно выпадают из поля зрения историка. Подробно опровергать аргументацию такого рода нет нужды, поскольку это было сделано нашими предшественниками более ста лет тому назад как раз в русской версии неокантианства [1, 8]. Кстати, разрабатываемый А. И. Введенским в общефилософском плане, а затем А. С. Лаппо-Данилевским в контексте методологии истории принцип «признания чужой одушевленности» выступает одновременно и как эпистемологический, и как этический. Исследуя кантовскую этику, А. И. Введенский формулирует четвертый постулат практического разума – убеждение в существовании «чужих Я» [см.: 9, с. 191]. А. С. Лаппо-Данилевский пишет, что принцип «признания чужой одушевленности» принимается им «в качестве научной гипотезы, нужной для объяснения некоторой части действительности, но можно принять его и в качестве нравственного постулата, без которого нельзя представить себе “другого” как самоцель, в отношении к которой наше поведение и должно получить нравственный характер» [8, Т. 1. с. 340].

Определение второго типа, в основе которого понимание исторического источника как объективированного результата целенаправленной деятельности человека, восходит к формулировке, предложенной в начале XX в. А. С. Лаппо-Данилевским: «... исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [8, Т. 2. с. 38].

Попробуем выявить этический смысл выбора историком того или иного варианта определения, для чего сначала обратимся к простой схеме:

Взаимосвязи в этой системе вполне понятны. Цель историка – добыть историческое знание, т.е. знание об исторической реальности, через посредство исторического источника. А. С. Лаппо-Данилевский отмечал: «... в области эмпирических наук, а, значит, и истории, предлагаемое определение

[исторического источника – М. Р.] включает понятие о реальности данного объекта и понятие о его пригодности для познания другого объекта», – и далее: «... данный объект становится источником лишь в той мере, в какой он может служить пригодным средством для познания другого объекта» [8, Т. 2. с. 30].

Исторический источник – инвариантен, т.е. он остается неизменным и доступным все в том же виде для внимания во новых поколений исследователей. Историческое знание вполне очевидно поливариантно, поскольку вся историографическая практика опровергает по-прежнему частую значительной частью социума возможность получить окончательное «правильное» историческое знание.

А инвариантна или поливариантна сама историческая реальность? Мы не возьмемся ответить на этот вопрос, отнеся его к сугубо философским, т.е. не имеющим однозначного ответа. Но берем утверждать, что от укорененного в глубинах сознания / подсознания исследователя варианта ответа на этот вопрос зависит не только исследовательская стратегия, но и этическая позиция историка.

Историк, по-прежнему пребывающий в убеждении о инвариантности прошлого, свою задачу видит в том, чтобы установить, «как было на самом деле». Он накапливает «достоверные исторические факты» путем так называемой «критики» исторических источников.

О явной устарелости подобных представлений мы здесь говорить не будем. Приведем лишь некоторые контраргументы.

Первый. Современный историк, даже будучи убежден в инвариантности исторической реальности, по-видимому, все же (если, конечно, это не клинический случай) согласится с возможностью множественности равноценных объяснительных моделей, что демонстрирует неклассическая наука, не замечая возникающего при этом вполне очевидное логическое противоречие.

Второй. Проблема верификации полученного знания: так историк обычно считает достоверным то знание, которое соответствует объективной реальности, не замечая при этом, что рассуждая об объективной реальности исторического прошлого он фактически размышляет о своих представлениях о ней, которые он почему-то считает соответствующими «объективной реальности», а есть тому, что «было на самом деле». То есть в этой простой схеме

постоянно существует опасность подмены исторической реальности ранее полученным и уже устоявшимся историческим знанием.

Третий, собственно «исторический» контраргумент. Если мы примем позицию инвариантности исторической реальности и представим себе, что нам удалось реализовать идеальную задачу исторического познания – наиболее полно и объективно описать эту реальность, то мы вынуждены будем признать, что воспроизведенная нами «историческая реальность» принципиально не исторична. Ведь история изучает жизнь людей прошлого, протекавшую отнюдь не в созданной нами для них «объективной реальности», а в их жизненном мире – в их субъективной / интересубъективной реальности.

Четвертый. Инвариантность исторического прошлого предполагает возможность, хотя бы теоретическую и хотя бы в отдельных фрагментах, его окончательного, соответствующего реальности описания, возможность чего, как уже отмечалось, опровергает вся практика исторической науки.

Если мы соотнесем эти размышления с определением исторического источника, то увидим, что они вполне корреспондируют с первым типом определения, поскольку это определение нацеливает историка именно на воссоздание «объективной исторической реальности» с помощью любых подручных средств.

Если же за аксиоматику наших рассуждений о природе и целях исторического познания мы примем жизненный мир человека прошлого, его субъективную реальность, то вполне логично рассматривать исторический источник как результат творческой активности человека в определенном социокультурном контексте. В этом случае мы вынуждены признать, что первая наша задача – понять человека прошлого, что заставляет нас отказаться даже теоретически от возможности получить знание о прошлом раз и навсегда, хотя бы потому, что в процессе понимания всегда две стороны, одна из которых постоянно меняется.

На мой взгляд, вполне очевидно, что второй подход гораздо лучше согласуется с историографической практикой, да и со здравым смыслом, чем первый. С философской точки зрения, определение первого типа отсылает нас к классической рациональности – эпистемологической позиции, исчерпавшей себя полтора века тому назад. И, скажем предельно резко, никаких иных разумных оснований, кроме осознанного или неосознанного

этического выбора – нежелания нести ответственность за результаты своих интеллектуальных усилий – не имеет.

Явно сопряженную с этой позицией прагматическую нацеленность историка на извлечение из источника новой информации и придание ей некоей самооценности также можно отнести к сфере этики. Не развивая здесь эту мысль, обращусь лишь к очень точному высказыванию А. Тойнби, который в середине XX в., размышляя над наследием эпохи индустриализма в историческом знании, заметил: «Индустриализация исторического мышления зашла столь далеко, что в некоторых своих проявлениях стала достигать патологических форм гипертрофии индустриального духа. Широко известно, что те индивиды и коллективы, усилия которых полностью сосредоточены на превращение сырья в свет, тепло, движение и различные предметы потребления, склонны думать, что открытие и эксплуатация природных ресурсов – деятельность, ценная сама по себе независимо от того, насколько ценны для человечества результаты этих процессов» [18, с. 16].

Понимание исторического источника как объективированного результата целенаправленной человеческой деятельности продукта культуры, изучаемого на основе принципа «признания чужой одушевленности» снимает субъектно-объектную оппозицию и тем самым вводит исследователя в пространство неклассической науки, одновременно определяя необходимость занять по отношению к изучаемому Другому определенную этическую позицию.

Определение исторического источника в контексте неклассической и постнеклассической рациональности: от индивидуального этического выбора к социальной ответственности историка.

Но понимание исторического источника в концепции Научно-педагогической школы источниковедения за прошедшие сто лет не могло не претерпеть изменений. Одно из последних предложений нами определенное следующее: «исторический источник объективированный результат творческой активности человека продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в коэкзистенциальной, так исторической составляющей» [15, с. 38].

Очевидно, что первая, субстанциональная, часть определения модифицирована за счет понимания исторического источника

только как объективированного результата творческой активности человека, но и как продукта культуры, а вторая, функциональная, часть – за счет отказа от имплицитно присутствующей в определении А. С. Лапко-Данилевского линейности исторического процесса.

Но главная трансформация произошла в понимании объекта исторического познания, под которым понимается уже не отдельный исторический источник, а система видов исторических источников, системно-структурно презентующая определенную культуру, что вполне соответствует культурному повороту в исторической науке.

При таком подходе сфера ответственности источниковедения расширяется: оно не только поставляет историку добротный материал для конструирования исторического процесса, но и выступает в качестве самостоятельного метода моделирования исторической реальности, а также метода компаративного исследования разных культур и социокультурных ситуаций [концепция компаративного источниковедения – см. 16].

Этот этап завершился на рубеже XX–XXI вв. изданием двух учебных пособий [4, 16].

В первое десятилетие XXI в. О. М. Медушевская (1922–2007), признанный лидер направления, сформулировала концепцию когнитивной истории, в основе которой понятие эмпирической реальности исторического мира [11, 10]. Это введенное О. М. Медушевской понятие, по сути, носит онтологический характер, тем самым выводя сферу ответственности работающего на этой парадигмальной основе исследователя за пределы не только собственно исторической науки, но и гуманитаристики в целом, поскольку фиксирует общенаучные основания данной концепции. Чувство ответственности необходимо усиливается при понимании ее феноменологического характера, придающего основополагающее значение конструирующей деятельности познающего субъекта.

Литература

1. Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892.
2. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
3. Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.

4. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособ. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. (Повтор. изд. 2000, 2004).
5. Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. Научно-педагогическая школа источниковедения в актуальной социокультурной ситуации // История [Электронный ресурс]: электрон. науч.-образ. журн. [М.: Интеграция: Образование и Наука, 2010. 1: Историческая наука в современной России. Режим доступа: http://www.mes.igh.ru/magazine/content/pedagogicheskaya_shkola_istchnikovedeniya.html
6. Кареев П. И. Историка: (Теория исторического знания). Пг., 1916.
7. Коит О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1996.
8. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М., 2010.
9. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
10. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
11. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: В 2 ч. М., 2008.
12. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособ. М., 2005.
13. Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999.
14. Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
15. Румянцева М. Ф. Источниковедение: опыт энциклопедической статьи // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: В 2 ч. М., 2008.
16. Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособ. М., 2002.
17. Степин В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2003.
18. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
19. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
20. Источниковедение.ru – Электрон. дан. М., сор 2010-2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru>.

Розділ II

Історія історії